

ЛОМОНОСОВ-ПРОЗАИК

Автор: А. ЗОРИН

Прозаическое наследие Ломоносова (за исключением, естественно, его филологических трудов) редко вызывает интерес литературоведов¹. Обыкновенно оно рассматривается как источник сведений о биографии писателя и общественной жизни его эпохи, собрание памятников философской, естественнонаучной и исторической мысли. Поэтому такое традиционное в принципе заглавие, как "Избранная проза", выглядит на обложке рецензируемого сборника несколько неожиданным.

Вошедшие в книгу тексты и примечания к ним подготовлены, как отмечает составитель В. Дмитриев, на основе Полного собрания сочинений Ломоносова. Но, разбросанные там по десяти томам, здесь они сведены под один переплет, а главное - осмыслены как некое единство, обладающее специфически литературными качествами. Такой подход имеет под собой самые серьезные основания. Как хорошо известно, проза и поэзия были для Ломоносова не явлениями разного порядка, но двумя родами красноречия и подчинялись единым и непреложным для автора законам риторики.

"...Если в основе поэзии Ломоносова лежит **речь** в стихах, то в его прозе - та же **речь**, но несколько по-другому организованная", - пишет во вступительной статье В. Дмитриев (стр. 14). При этом фундаментальные принципы "красноречия вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается" (стр. 358), по-видимому, были для Ломоносова важнее, чем особенности этих двух видов словесного творчества. Во всяком случае, вло-

---

Михайло Л о м о н о с о в , Избранная проза, М., "Советская Россия". 1980, 512 с.

¹ Одна из немногочисленных работ на эту тему - статья А. Оришина "О стиле научной и публицистической прозы М. В. Ломоносова". - В кн.: "Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма". М. - Л., "Наука". 1964

стр. 234

жив огромный труд в первую часть своей "Риторики", он не стал завершать вторую и третью книги, которые должны были быть посвящены специально "оратории и поэзии".

Следует подчеркнуть, что Ломоносов не собирался ограничивать свое "наставление к сочинению речей в прозе" жанрами, непосредственно предназначенными для публичного чтения. В его представлении, ведению риторики подлежали и "учебные книги", и "истории", и "приватные" письма, и вообще все виды текстов, претендующих на какую-либо значимость. Его же собственные произведения, написанные в соответствии с правилами науки красноречия, должны были служить образцами и оставались таковыми до тех пор, пока между литературой и риторикой не произошло окончательного разрыва.

Как показывает В. Дмитриев, в истории отечественной культуры поэзия Ломоносова ценилась выше, чем его проза. Приведенные в статье высказывания Пушкина, Белинского, Гоголя, Достоевского подтверждают эту оценку. Вместе с тем важно иметь в виду, что такая дифференциация сложилась далеко не сразу.

В глазах читателей XVIII века Ломоносов-прозаик не уступал Ломоносову-поэту. В принадлежавшем перу С. Домашнева первом очерке истории русской поэзии, появившемся при жизни Ломоносова, подчеркивалось, что он не меньше, чем стихами, "прославился своими сочинениями в прозе"¹. "Он создал новое русское стихотворство, и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность"², - отзывался впоследствии о Ломоносове такой его противник, как А. -Л. Шлёцер. Характерно, что даже М. Н. Муравьев, предвосхитивший в своих опытах реформу Карамзина, восхищался литературной стороной разнообразных прозаических произведений Ломоносова: "Сладостным выражением своим облекал он попеременно искусство писания, отечественную Историю и откровения свои в природе... Везде образец языка, властитель слушателей своих, согласиём слова и благородством изображения, он сообщает соотечественникам своим соревнование мыслить и чувствовать"³.

Суждение Муравьева подтверждает правоту В. Дмитриева, включившего в сборник произведения самых несхожих жанров: официальные "доношения" и "репорты", письма, исторические трактаты, речи, посвященные различным естественнонаучным проблемам.

Задачей составителя было охватить как можно более ши-

---

¹ "Полезное увеселение на месяц июнь 1762 года", с. 237.

² "Сборник ОРЯС АН", т. XIII, СПб., 1875, с. 200.

³ "Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева", т. 3, СПб., 1820, с. 138 - 139.

рокий круг материалов, и благодаря такому подходу сборник дает представление как об исключительном разнообразии ломоносовской прозы, так и о ее несомненном единстве. Возможно, стоило бы, однако, пожертвовать некоторыми текстами, чтобы полней представить остальные. Конечно, в рамках однотомника, особенно учитывая значительный объем многих произведений Ломоносова, не обойтись без "фрагментов", но все же нельзя не отметить, что публикация памятника в извлечениях неизбежно ослабляет и ощущение его исторической достоверности, и его художественное воздействие, В особенности это относится к произведениям ораторского жанра. Речь, по словам В. Дмитриева, "должна быть воспринята сразу вся" (стр. 14), она рассчитана на целостное впечатление, и потому ее композиция имеет огромное, если не решающее, значение. Впрочем, то же можно сказать и о других опытах Ломоносова, поскольку все они были практической реализацией норм, сформулированных в "Риторике". Ярче всего представляют в сборнике ломоносовскую прозу тексты, напечатанные полностью: "Слово о явлениях воздушных...", "Краткая история... Академической канцелярии...", "О сохранении и размножении российского народа", некоторые письма Шувалову и др. Читая их, можно понять, каким образом сочинения, находящиеся, в строгом смысле слова, за пределами изящной словесности, сумели воздействовать на всю русскую прозу, включая беллетристические жанры, к которым сам Ломоносов относился в целом отрицательно.

Радищев, полагавший, что Ломоносов не имел "последователя в витийстве гражданском", исключительно высоко оценивал влияние его красноречия "на общий образ письма". "Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, - действие его прозы

будет всем внятно"¹, - указывал он в "Путешествии из Петербурга в Москву". Для его собственного творчества, включая даже такое интимное по содержанию произведение, как "Дневник одной недели", ломоносовские принципы разработки фразы и периода, ритмико-синтаксической и композиционной организации речевых единиц, безусловно, были в высшей степени значимы.

Еще в начале XIX века проза Ломоносова не утратила своего обаяния. В 1817 году Мерзляков в "Разборе осьмой Оды Ломоносова" подчеркнул, что тот "утвердил... свои правила собственными образцами сочинений неподражаемыми, как в стихах, так и в прозе"².
А издатели "Собрания новых

---

¹ А. Н. Р а д и щ е в , Избранные философские сочинения, М., Госполитиздат, 1949, с. 197.

² "Труды Общества любителей российской словесности", ч. 7. 1817. с. 30.

русских сочинений и переводов в прозе" в 1825 году мотивировали включение в книгу известных произведений тем, что "стихи князя Кантемира и Петрова и теперь еще имеют свою цену; проза Ломоносова, Хераскова, Козицкого, Гамаллея, Подшивалова и теперь еще обвораживает слух, пленяет воображение и убеждает разум"¹.

Авторы этих высказываний стояли во взглядах на литературу XVIII века на архаических позициях. Но сходные суждения можно обнаружить и у Батюшкова, особо ценившего, вслед за своим наставником Муравьевым, научно-ораторскую прозу Ломоносова и, как указывает в примечаниях В. Дмитриев, прежде всего "Слово о пользе Химии...". Выписав оттуда в свою записную книжку большой фрагмент, которого, к сожалению, мы не находим в сборнике, Батюшков удивлялся, "первое, красоте и точности сравнения, второе - порядку всех мыслей и потому всех членов периода, третье - точности и приличию эпитетов"².

Впрочем, источниками достоинств ломоносовской прозы были для Батюшкова исключительно природные дарования и познания автора. Образцовое следование законам риторики уже не имело для него никакой цены. "Подражатели Ломоносова полагают, что его красноречие заключается в долготе периодов, в избытке слов и в знании языка славянского. Нет, оно проистекает из души, напитанной чтением древних, беспрестанным размышлением о науках и созерцанием чудес природы, его первой наставницы. Да здравствует наш Михайло, рыбак холмогорский!"³ - продолжал он свою запись.

Отметим, кстати, что интерпретация творчества Ломоносова, которую дает В. Дмитриев, находится в русле традиции, заложенной Батюшковым. Знаменательно, что имя автора обозначено в сборнике как Михайло Ломоносов. Во вступительной статье, в комментариях внимание обращается прежде всего на отражение в прозе личности автора, биографические обстоятельства создания тех или иных произведений. В. Дмитриев стремится донести до читателя обаяние Ломоносова и потому, вероятно, склонен порой принимать на веру некоторые его пристрастные суждения. Так, например, деятельность Г. -Ф. Миллера или А. -Л. Шлёцера едва ли заслуживает однозначно негативной оценки.

Думается, что тема "Ломоносов и Батюшков" вообще достойна тщательного изуче-

---

¹ "Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе...", СПб., 1825. От издателей. Этот интереснейший перечень сам по себе может стать предметом специального исследования.

² "Сочинения К. Н. Батюшкова", т. 2, СПб., 1885, с. 344 - 345.

³ "Сочинения К. Н. Батюшкова", т. 2, с. 345.

ния. Пушкин, безусловно, имел основания назвать Батюшкова "счастливым сподвижником Ломоносова"¹. Посредствующим звеном между ними был, вероятно, Муравьев, связь творчества которого с наследием Ломоносова обычно также недооценивается². Причем эта линия литературной преемственности прослеживается не только в поэзии, о которой говорил Пушкин, но и в прозе. Так, в частности, те, кто прочтет в сборнике фрагмент из "Слова благодарственного... на освящение Академии художеств...", возможно, обратят внимание на параллели между этим произведением и "Прогулкой в Академию художеств" Батюшкова. Отметим, кстати, что реминисценции из батюшковского очерка давно обнаружены во вступлении к "Медному всаднику". Таким образом, выявляется еще одна нить, связывающая пушкинскую поэму с русской литературой XVIII века.

Батюшковские заметки о Ломоносове, относящиеся к 1817 году, особенно интересны, потому что их автор был убежденным последователем Карамзина, за четверть века до того осознавшего, что ломоносовский слог устарел, и изгнавшего из своих произведений риторические конструкции. Однако, при всей ориентации карамзинистов на разговорную речь образованного общества, в строе их прозы часто заметны еще, хотя бы в качестве преодоленного фона, следы традиции ораторского красноречия. Как верно заметил В. Дмитриев, эти традиции окончательно сходят на нет в 20 - 30-е годы XIX века. Пушкин, требовавший от прозы "точности и краткости", порицал "схоластическую величавость" "однообразных и стеснительных форм", в которые Ломоносов "отливал свои мысли"³.

И уже очень резко отзывался о ломоносовской прозе Белинский⁴. Именно риторический характер и дискредитировал ее в глазах критика. По словам Белинского, "риторика, в том значении, какое дают ей, как науке научающей красно писать, сделалась исключительным достоянием педантов, глупцов"⁵, - и произведениям, сообразовавшимся с правилами этой науки, он решительно отказывал во всех достоинствах. Это был вчерашний день литературы, уже давно исчерпавший себя, но еще упорно цеплявшийся за жизнь и потому требовавший полеми-

---

¹ А. С. П у ш к и н , Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII, М., Изд. АН СССР, 1958. с. 19.

² Причина этой недооценки лежит, думается, в расширительном толковании категории литературного направления. Общераспространенные представления о Муравьеве только как о предшественнике сентиментализма мешают увидеть ломоносовские традиции в его творчестве.

³ А. С. П у ш к и н , Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII, с. 15, 277 - 278.

⁴ См.: В. Г. Б е л и н с к и й , Собр. соч. в 9-ти томах, т. I, М., "Художественная литература", 1976, с. 70.

⁵ Т а м ж е , стр. 499.

ческой реакции. Для многих поколений читателей риторика становится обозначением худших черт литературы, синонимом холодной аффектации и многословной высокопарности.

Филологическая мысль нашего столетия проявляет к риторике все возрастающий интерес. Еще в 20-е годы Ю. Тынянов и Г. Гуковский выявили связь между учением Ломоносова о красноречии и его поэзией, увидели в лирическом восторге од не стихийный порыв гения, поднявшегося над ложной системой, но блистательную реализацию принципов, тщательно продуманных автором. Настоятельно требует анализа с этих позиций и ломоносовская проза, место которой в истории отечественной литературы еще необходимо осмыслить и оценить. Сборник, подготовленный В. Дмитриевым, напоминает об актуальности этой задачи.

Заглавие статьи	ЛОМОНОСОВ-ПРОЗАИК
Автор(ы)	А. ЗОРИН
Источник	Voprosy literatury, №7, 1982, С.234-239
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> Обзоры и рецензии
Место издания	Moskva, Russia
Объем	14.4 Kbytes
Количество слов	1715
Постоянный адрес статьи	https://dlib.eastview.com/browse/doc/10039141
постоянный адрес статьи:	https://dlib.eastview.com/browse/doc/10039141